

Кто-то должен прийти

Кристина МАТВИЕНКО

Выбранной «Балтийским домом» в этом году формуле «Другой театр?» как нельзя лучше соответствует семинарская программа и спектакли по современным пьесам. Именно в связи с современной драмой можно легко убрать знак вопроса после слова «другой»: новая драма предполагает новый театральный язык. Спектакли 34-летних поляка Гжегожа Яжины и немца Томаса Остермайера сами по себе были другими в обжитом пространстве нашей театральной культуры, независимо от выбранного материала. О такой режиссуре только и стоит говорить в связи с современной драматургией.

О попытках внедрения новой драмы в театр шла речь на драматургических семинарах, представляющих скандинавскую и русскую современную пьесу. Пикфос заключался в пропаганде новой драмы среди широкой театральной общественности. Устроители сделали большое дело: в Петербурге современная драма занимает слишком локальную нишу. Глубоко говоря, кроме энтузиастов из театра «Особняк», никто ею и не занимается. Возможно, фестиваль даст толчок, и дело не в качестве представленных пьес (хотя все они были примечательны в своем роде), а в движущей силе, с которой преподнесло себя московско-екатеринбургско-тольяттинское драматургическое братство.

Постебность есть: не случайно Алексей Слюсарчук, автор одной из самых удачных чittoк на семинаре (по исландской пьесе «Ангелы» или «Ангельские дети»), драматург, режиссер, когда-то актер «Формального театра» Андрея Могучего, заметил, что «местных обидели», сделав широкую презентацию скандинавов и москвичей, и не позаботившись о питерских. Хотелось верить, что фестивалю, впервые в городе взявшийся представлять современную драматургию широкомастным (были попытки и до этого — в Александринке, в Театре Сатиры), заставит лед тронуться. Во многом такая стагнация — «заслуга» самих режиссеров, часто отсутствующих на выступлениях, а значит, по моему мнению, возможности работать с текстом кому бы то ни было, кроме самого драматурга.

Любопытно и другое: лучшие чittoки были сделаны словно на сопротивление материалу. Те же «Ангелы» Слюсарчука, который текст Хауара Сигуренсона активно не любил и называл «чернушкой» или «Сет 1» (вспомните Пресняковых (Екатеринбург), который молодой режиссер Алексей Утеганов, тоже не слишком любящий, сделал точно, попав в авторскую стилистику, избегая как стеба, так и идеализации мерзостей).

Были и случаи, когда средствами театра текст был уничтожен. Пьесу братьев Дурненковых (Толпятки) «Вычитание земли» прочитали так, слов-

но она предназначена не для театра, а для радио или для чтения «приватно». Если б не видела чittoку в Горках, во время фестиваля Документального театра в сентябре, согласилась бы. Но там был живой, «алхимический» текст, позволяющий актеру существовать в непривычном простом режиме, а тут — громады словес. Все же многие читали пьесу «в оригинале», что и позволило критикам сказать Михаилу Дурненкову о ее достоинствах. Не прозвучала и пьеса Михаила Угарова «Смерть Ильи Ильича» в исполнении актеров МДТ (читку делал Игорь Коянев). Они уничтожили игровую двойственность текста. «Облом» (Центр драматургии М.Рощина и А.Казанцева) как раз являет собой случай совпадения текста пьесы и текста театрального. Тем и ценен опыт. Режиссер работал с актерами — это видно долго и настоятельно, сшибая с них опыт привычного актерства, и заставляя существовать в иных координатах. Там, где это выходит, — получается чрезвычайно интересно, а там, где нет, — есть возможность строить теорию нового актерского мастерства.

Именно российская часть драматургической программы вызвала интерес. Угаров сказал, что ставить новую драму — это новая профессия, кото-

рой нужно учить. В подтексте было услышано: ставить новую драму — единственно полезное и необходимое занятие. В пространстве Климата, скажем, нет места Пресняковым, и даже Дурненковым. Суть выступления Климата: я уже не изменюсь, но и на ваше место не претендую, действуйте, мне нравится ваш посыл.

«Всегда кто-то заблуждается», — заголовком одной из пьес можно закончить дискуссию.

Одной из точек семинарских споров стали жалобы на отсутствие режиссуры, способной ставить новую драму. В ответ — жалобы режиссеров на отсутствие «драмы».

Когда в начале XX века ставили «новую драму», в ней играли и Комиссаржевская, и актеры новой генерации, и актеры МХТ, вокруг кипели споры, дело кончалось чаще скандалом, реже — художественным результатом. Реформу же театрального языка и актерской школы в области «новой драмы» совершил режиссер Мейерхольд, который умел слышать время и ему отвечать. Неспособности, возможно, анализа, но спектакли говорили сами за себя: видео-постановки К.Марталера, П.Парсифаля и Т.Остермайера по пьесам норвежца Юна Фоссе, показанные во время семинара, дали ясное представление о

режиссуре, превращающей современный текст в современный театр. Главный в их решении, — актер, чувствующий и понимающий этот текст. Сделать то же самое — вопрос первой важности и для нашего театра.

После чittoк и обсуждений шли «Пластилин» К.Серебренникова и «Ощущение бороды» О. Субботина. А жаль: «Пластилин» мог бы стать плацдармом для серьезного разговора как разеще, крайне не характерного для питерского театра и в то же время крайне полезного. Содержащее вполне «дикое» молодого драматурга и вполне безапелляционного молодого режиссера может чему-то научить, даже через сопротивление.

Не зря Алексей Бартошевич заметил, что при всем сходстве проблематики современной скандинавской и русской драматургии наша превосходит любые другие по затраченной агрессии и желанию напечатать поколенческий манифест. Скажем, как в «Кислороде» Ивана Вырыпаева (режиссер В.Рыжиков, Театр ДоС): 10 заповедей для тех, кто живет в XXI веке. Из русской программы «Кислород» был самым успешным, и самым современным. Пока — это главное. Как и энергия актеров. «Заповеди» сочинены честно и «от первого лица» — это тоже новая искренности — в смысле жестости и с гордостью, неизбежной для «молодых рассерженных», которые разбираются сами с собой. Текст положен на ритм электронной музыки, произносится на большой скорости, в такт, плюс движение. Танцует пацан. Иногда заводится и вылетывает агрессию, тем более партнерша то и дело провоцирует его на конфликт. Романтическая теория про кислород здесь крайне привлекательна. А природа эффекта в идентификации зрителя с персонажами, в ощущении и их личной правды. «А мне все по...» — поет «Ленинград». Здесь тоже не такие глупые, чтобы быть радикальными. Зато честные.

Максим Курочкин на семинаре сказал: «Мы — поколение конформистов», имела в виду терпимость к тому, что делают с текстами режиссеры. Гибкость вообще не помещает — в смысле свободы восприятия. Важно не отрицать присутствия других «других». Тогда драматурги пойдут смотреть Яжину и увидят, что современные режиссеры могут им согдаться и чему-то научить. Тогда в Питере перестанут говорить, что современной пьесы нет. Тогда отличная идея, за которую взялся в этом году «Балтийский дом», перестанет быть разовой акцией по импорту.

- Андрей Кузичев и Егор Холодков в спектакле «Пластилин»
- Владимир Панков и Елена Захарова в спектакле «Ощущение бороды»
- Владимир Скорюков, Анатолий Белый и Владимир Панков в спектакле «Облом off»

Фото В.ЛУПОВСКОГО

